

Отношение к трудовым мигрантам на Юге России: перспектива интеграции в условиях внешних вызовов

Г.С. Денисова¹, М.Д. Розин¹, С.Я. Суций²,
Ж.А. Тумакова¹, С.В. Андросова¹

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

²Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону

Аннотация: На примере данных региональных социологических исследований анализируется проблема интеграции трудовых мигрантов в принимающие сообщества Юга России, в условиях внешних вызовов – политического кризиса в Украине и волны стрессовой миграции. В качестве факторов, определяющих отношение населения к мигрантам, рассматриваются: социально-экономическое самочувствие, доминирующие социальные идентичности населения, общая миграционная ситуация в регионе.

Ключевые слова: трудовая миграция, беженцы, социальное самочувствие, Юг России, гражданская идентичность, этническая идентичность, интеграция мигрантов.

Постановка проблемы. Политический кризис 2014 г. в Украине сопровождается большим потоком беженцев, основной удар которого принят Ростовской областью и другими территориями Южного федерального округа (ЮФО). Эта ситуация обострила необходимость осмысления вопросов адаптации и интеграции мигрантов, пребывающих из стран Ближнего Зарубежья. При готовности власти упростить процедуру получения гражданства для соотечественников, оказавшихся за рубежом, и расширительном толковании содержания «соотечественник», возникает вопрос о готовности старожильческого населения к перспективе адаптации мигрантов. Социологические исследования 2000-х гг. фиксировали повсеместное распространение деструктивных практик взаимодействия местного населения и трудовых мигрантов [1]. Международные документы четко определяют интеграцию как двусторонний процесс, в котором ответственность за результат несут обе стороны – сами мигранты и принимающее сообщество [2-5]. Исследования миграционных процессов на

Юге России в последние два десятилетия показывают неоднозначность отношения принимающих сообществ к проблеме трудовой миграции [6-8].

Изменившаяся ситуация 2014 г. – политический кризис в Украине, большой поток беженцев, который приняла Ростовская область и другие территории Юга России, требуют мониторинга общественного мнения по вопросам миграции и интеграции мигрантов. Под интеграцией мигрантов, обычно понимают процесс их принятия в общество. С целью изучения данной проблемы в период с 25.05 по 25.06.2014 г. в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных отношений «Этнологический мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации на Юге России» (научный руководитель В.Тишков) был проведен пилотный опрос населения административных центров 3-х субъектов ЮФО: г. Ростова-на-Дону, г. Астрахани и г. Элисты. Выбор регионов не случаен и определялся стремлением провести сравнительный анализ общественного мнения по данным проблемам в регионах, отличающихся уровнем социально-экономического развития, этническим составом населения, различным уровнем миграционной привлекательности. Опрос проводился техникой стандартизированного интервью в соответствие с территориальным районированием городов методом случайной выборки.¹ Всего в каждом городе было опрошено по 200 человек по связанным параметрам (пол, возраст, уровень образования).

Социальное самочувствие принимающих сообществ. Массив респондентов, попавших в случайную выборку при опросе населения характеризуется следующими параметрами: основное большинство респондентов родились и проживают в рассматриваемом регионе. В

---

¹ Программа и инструментарий исследования разработана под руководством В.В.Степанова.

образовательной структуре опрошенных можно выделить три основные подгруппы: лица с высшим образованием (около 30%), лица со средним специальным и незаконченным высшим образованием (от 41 до 50%), лица с неполным средним и средним образованием (20-22%). Большинство респондентов (от 58% в Ростове-на-Дону до 79,5 – в Элисте) является работающей частью горожан. Основное большинство (до 70%) респондентов Ростова-на-Дону и Астрахани оценивают свое материальное положение как «позитивное» или «нормальное». В Элисте уровень удовлетворенности ниже – 63,5%. Остальная часть населения испытывает значительные трудности. В женской группе на 20% ниже оценили свое положение как «нормальное», а также в два раза больше указали на затруднительность своего положения. Перспективу профессиональной и социальной мобильности женщины оценивают значительно ниже, чем мужчины. Несоответствие уровня социальных притязаний и реальной ситуации объясняет более высокий уровень миграционных установок у женщин в сравнении с мужчинами. Более половины всего опрошенного массива (64%) располагают социальным ресурсом для переезда, т.к. имеют в других регионах родственников и друзей. Наряду с неудовлетворенностью в сфере материального благосостояния, определенная часть респондентов (от 7 до 11%) испытывают дискриминацию из-за национальной, религиозной, языковой принадлежности. Несмотря на указанные позиции, представленные данные позволяют утверждать, что в целом социально-психологический климат в административных центрах трех регионов ЮФО соответствует норме: у абсолютного большинства респондентов отсутствует депрессивное или агрессивное состояние, которое может быть переадресовано той или иной социальной группе, в частности, иностранным трудовым мигрантам.

Доминирующие идентичности населения как фактор отношения к мигрантам. Формирование социальных установок субъекта (индивида или

социальных групп) в значительной мере определяется его идентификационными самоописаниями. С этой точки зрения важно определить в рассматриваемых городах, доминирующие идентичности населения, которые задают соответствующую проекцию отношения к трудовым мигрантам. Исходными предпосылками выступают два предположения: 1) доминирование надэтнических идентичностей – гражданской общероссийской, или региональной (поликультурной) – создает позитивную платформу для толерантного отношения принимающего сообщества к трудовым мигрантам [9, с.89]; 2) в поликультурном социуме сформированная позитивная этническая идентичность выступает гарантом толерантности по отношению к другим этническим группам [10].

Для проверки этой гипотезы в инструментарий опроса были заложены позиции, проясняющие описание культурной идентичности респондентов. Результаты опроса в г. Ростове-на-Дону показали, что основным большинством респондентов четко определяется этническая самоидентификация, что свидетельствует о ее важности. При этом следует подчеркнуть, что 2% ростовчан, 6,5% астраханцев и 19% элистинцев указали на два языка в качестве «родных», что свидетельствует о сохранении практики вступления в смешанные браки и этнической толерантности социальной среды Юга России. При всей значимости этнической идентичности, она не занимает в массовом сознании доминирующую позицию. Так, абсолютное большинство респондентов ориентированы на первостепенное значение гражданской идентичности: 88,7 опрошенных – в Ростове-на-Дону, 74,6 – в Астрахани, и 74,1% в Элисте хотят, чтобы их воспринимали в первую очередь как граждан страны. Вторую позицию, но почти на порядок менее распространенную, занимает региональная идентичность. Ей отдали предпочтение около 10% респондентов в среднем по массиву. Этническая идентичность имеет первостепенное значение для

14,6% элистинцев, 10,2% астраханцев и только для 4% ростовчан. Эти результаты подтверждают данные других исследований, которые проводились в разных регионах Юга России [11-12]. Вместе с тем доминанта гражданской идентичности не препятствует сохранению напряженности на почве межэтнических взаимодействий в сельских поликультурных районах. Не смотря на определенные усилия областных и районных органов власти, стремящихся к достижению гармонизации межэтнических взаимодействий, в сельских и городских поселениях воспроизводятся и укрепляются этнические границы. Даже успешная адаптация в новых территориях и формирование локально-поселенческой идентичности в сельских населенных пунктах приводит не к размыванию этнической идентичности, а к включению новых поселений в традиционное этническое сознание той или иной этнической группы. Прямые вопросы представителям старожильского населения о характере взаимоотношений с этническими группами, осевшими в сельских поселениях в последние десятилетия, показывают наличие напряженности в экономической (особенно, в сфере землепользования, трудоустройства) и бытовой сферах жизни [13, с.40, 45-49]. Доминирование гражданской идентичности не исключает сохранение значимости этнической идентичности, которая находится в «спящем» состоянии и пробуждается в условиях обострения проблем в сфере производственно-экономических или бытовых отношений.

Миграционная ситуация и отношение к трудовым мигрантам.

Динамику миграционной ситуации в юго-западных территориях России, особенно в Ростовской области, в рассматриваемый период определяют события в Украине. С середины апреля 2014 г. Управление федеральной миграционной службы (УФМС) по Ростовской области фиксирует резкий рост прибывающих мигрантов из Украины. Миграция приобрела стрессовый характер. В июне ежедневно в Ростовскую область прибывали от 6 до 10

тыс. беженцев, что потребовало введения с 4.06. режима Чрезвычайной ситуации в приграничных с Украиной территориях Ростовской области. По данным УФМС по Ростовской области в период июня-августа здесь находилось от 30 до 40 тысяч граждан Украины. Примерно 8% от этого числа обратились в УФМС с вопросом об оформлении вида на жительство, выдачи разрешения на временное проживание, оформления гражданства РФ [14].

Приток беженцев из Украины усилил гуманитарный аспект восприятия миграции. Трудовые мигранты, прибывшие из стран ближнего зарубежья, - явление не новое для жителей разных территорий Юга России. Каждому из южно-российских субъектов РФ ежегодно выделяется квота для привлечения иностранной трудовой силы. Поэтому примерно половина населения имеет личный опыт контактов с трудовыми мигрантами. Знакомство с мигрантами и уверенность в отсутствии угрозы с их стороны, объясняет достаточно спокойное отношение населения к перспективе трудоустройства иностранных трудовых мигрантов на неквалифицированные вакансии во всех трех городах.

Вместе с тем, на отношении к перспективам трудоустройства рабочих мигрантов оказывает влияние ситуацией на рынке труда, в первую очередь – уровень заработной платы, структура занятости и наличие вакантных рабочих мест. Качество жизни населения, важным фактором которого является уровень доходов, различно во всех рассматриваемых регионах. Так, по показателю уровня доходов населения, Ростовская область занимает 42 место (36,4 балла), Астраханская область – 50 (34,3 балла), Калмыкия – 82 (3 балла) [15,с.9-10]. Эти данные свидетельствуют о недостаточном благополучии на рынке труда. Видимо поэтому половина респондентов усматривают для себя угрозу от притока трудовых мигрантов. 51% респондентов из Ростова-на-Дону считают, что трудовые мигранты «отнимают» рабочие места у жителей города. Эту позицию разделяют 34,5%

опрошенных в Астрахани, и 39% - в Элисте. Настороженность растет по мере уточнения сферы занятости иностранных трудовых мигрантов. Использование в опросе модифицированной шкалы Богардуса показало, что чем ближе по отношению к частной жизни гражданина может трудоустроиться мигрант, тем меньше респондент поддерживает такой вариант трудоустройства. В частности, трудоустройство на неквалифицированную вакансию в сферу ЖКХ не вызывает беспокойства у основного большинства опрошенных в регионах (на это указали от 70 до 80% опрошенных в регионах). Но трудоустройство, например, в качестве младшего медперсонала в учреждения здравоохранения вызывает негативное отношение примерно у половины опрошенных. Еще большая группа (59%) негативно относится к трудоустройству мигрантов в качестве охранника в дошкольные и школьные учреждения. Опрос подтвердил сохранение в массовом сознании стереотипа о повышенной криминогенности иностранных трудовых мигрантов. При этом в крупном городе, где значительно выше уровень анонимности социальных взаимодействий, такой стереотип больше распространен. В частности, ростовские респонденты разделились почти поровну на тех, кто считает, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местное население, и тех, кто отрицает эту позицию (40,5: 49% соответственно). В Астрахани можно выделить классическую триаду позиций: 37,5% респондентов поддерживают эту позицию, 32,0 – ее отрицают, 30,5% - затрудняются с оценкой. А в Элисте, где высок уровень непосредственных контактов горожан, другое соотношение: только 11,5% опрошенных связывают криминогенность с трудовыми мигрантами; 52,5% отрицают такую связь, и 36,5% - затрудняются с оценкой.

Собранный материал показывает общее недоверие населения к трудовым мигрантам, которое подтверждается ответами на прямой вопрос о

том, из каких государств следует ограничить приезд мигрантов. Отношение к выходцам из тех или иных стран ближнего зарубежья определяется восприятием этнокультурной (включая конфессиональную) близости и опытом взаимодействия. Напомним, что по экспертным оценкам в период 1990-2007 г. наибольший вклад в российское миграционное сальдо внесли Казахстан, Узбекистан, Грузия, Таджикистан, Кыргызстан [16]. Инструментарий опроса предусматривал выявление отношения к выходцам из этих республик. Так, респонденты из Ростова-на-Дону позитивно настроены по отношению к мигрантам из Белоруссии, Украины, в меньшей степени – из Молдавии. Выходцы из других стран Ближнего Зарубежья основным большинством респондентов рассматриваются как нежелательные. В первую очередь это относится мигрантам из среднеазиатских республик: за ограничение въезда из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии высказались 60-67% ростовчан; такая же реакция на мигрантов из Азербайджана (62%). Второе место по степени отторжения (50%) занимают мигранты из Грузии, стран Балтии и Китая. Не лишним будет отметить тот факт, что из всех выше перечисленных стран, действительно, приезжают и работают в Ростовской области трудовые мигранты (исключение составляют только страны Балтии). Наименьшее раздражение вызывают мигранты из республик Закавказья, поставляющих либо незначительное количество мигрантов (Абхазия, Южная Осетия), либо являющихся для Юга России, традиционным донором населения, как, например, Армения. Иными словами, основное большинство респондентов приемлет миграцию лишь из близких по этнокультурным и религиозным характеристикам республик – Белоруссии и Украины. Отметим также и другую особенность ответов на этот вопрос в Ростовском регионе: респонденты занимают очень четкую позицию по каждой из возможных республик выезда, затруднение с ответом на эти вопросы возникает лишь у небольшого числа опрошенных (от 4 до 7%).

Несколько иная ситуация наблюдается в Астрахани. Здесь респонденты выступают за ограничение миграции из Китая (56,5%), Грузии, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана (48%). В меньшей степени такую тревогу вызывают мигранты из Украины, Молдавии, стран Балтии и Армении. За ограничение миграции из этих стран выступают от 30 до 38% опрошенных.

В Элисте наибольшую тревогу вызывают приезжие из республик Средней Азии, Китая и Украины. Но за ограничение миграции из этих стран выступает в целом, меньше, например, чем в Ростове-на-Дону, - от 43 до 47,5%. Меньший уровень тревоги (33-35%) вызывают выходцы из Абхазии, Южной Осетии и стран Балтии.

Настороженное отношение к иностранным трудовым мигрантам не содержит явно выраженной протестной установки: почти 70% респондентов не намерены участвовать в каких-либо протестных акциях или пикетах против трудовых мигрантов. Вместе с тем, следует указать, что такие акции готовы поддержать 31,5% мужчин и почти 10% женщин. И эта цифра – в целом почти 20% (т.е. пятая часть!) по массиву – достаточно внушительная. Хотя по данным Европейского социального исследования позицию запрета на въезд иноэтничных мигрантов в ряде европейских государств (в Венгрии, Португалии, Болгарии, Эстонии, на Кипре) поддерживает еще большее количество граждан [17].

Отношение населения к перспективам интеграции трудовых мигрантов. Интеграция мигрантов в сообщество принимающей территории определяется в большей степени теми институциональными условиями, которые создаются региональными органами власти и институтами гражданского общества [18, 19]. В первую очередь, речь идет об овладении приезжими государственным языком (русским); обустройством детей мигрантов в школах, для чего также требуется организация для них

специальных дополнительных программ по обучению русскому языку; а также – об оказании им комплексной информационно-правовой помощи. Эмпирическое изучение интеграционного процесса мигрантов в Москве показывает, что работодатели не заинтересованы в организации помощи мигрантам в получении информационно-правовых услуг; только государство обеспечивает такую эффективную помощь [1]. Вместе с тем, население должно поддерживать такое направление инвестиций [20, 21]. Собранный материал показывает в целом положительное отношение респондентов к организации институциональной помощи для интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество. Но только одна позиция – государственное обеспечение детей иностранных трудовых мигрантов школьным образованием – поддержана большинством опрошенных (в Ростове-на-Дону – 65,5%; в Астрахани – 47%, в Элисте – 44%). По всем другим вопросам помощи мигрантам отношение принимающего населения более проблематично. Так, от 10 до 25% опрошенных считают необходимым оказывать помощь лишь тем, кто своими действиями демонстрирует намерение остаться в России. От трети до 40% респондентов считают, что такие услуги должны предоставляться мигрантам на платной основе. При этом четко прослеживается зависимость: чем ниже качество жизни населения в регионе, тем больше группа респондентов, которые выступают за платную основу оказания помощи трудовым мигрантам. Так, по качеству жизни Ростовская область занимает 42 место среди регионов России, Астраханская – 50, Калмыкия (г. Элиста) – 82 место [15, с.10]. Соответственно, за платную основу по различным видам помощи мигрантам в Ростове-на-Дону выступают от 14 до 17,5% респондентов, в Астрахани – от 23 до 32%, в Элисте – от 35,5 до 41%.

Проведенный анализ отношения городского населения Юга России к перспективам интеграции иностранных рабочих мигрантов позволяет сделать следующие выводы:

1. Социально-психологическое состояние населения в рассматриваемых регионах в целом соответствует норме, о чем свидетельствует уровень удовлетворенности качеством жизни, четкость и полнота социальных идентичностей. Анализ «портфеля идентичностей» показывает доминирование общей гражданской идентичности по отношению к этнической или региональной. Эта ситуация выступает позитивным социальным фоном, влияющим на отношение населения региона в целом к проблемам миграции и межэтнических взаимодействий.

2. До марта 2014 г. миграционная динамика в рассматриваемых регионах имела негативный характер: число прибывших в регионы было меньше выезжающего населения. Основными республиками, из которых прибывали в регион трудовые мигранты, являются: республики Средней Азии, Молдавия, республики Закавказья, Украина. Достаточно популярной являлась миграционная установка среди старожильческого населения. С марта-апреля 2014 г. отмечается увеличивающийся поток стрессовой миграции из Украины, который вызвал волну эмпатии и открытости принимающего сообщества по отношению к мигрантам.

3. Вместе с тем, сохраняется тревога и недоверие населения рассматриваемых регионов по отношению к основному большинству трудовым мигрантам. В коллективных представлениях населения фиксируется воспроизводство негативных стереотипов: мигранты не вызывают доверия у большинства респондентов, и воспринимаются половиной опрошенных как криминогенный фактор. Основная часть опрошенных не готова к контактам с иностранными трудовыми мигрантами в сфере обслуживания их частной жизни, в здравоохранении, при охране

детских дошкольных и школьных учреждений. Это недоверие проявляется также в том, что от 50 до 60% респондентов выразили поддержку идеи ограничения въезда трудовых мигрантов из всех неславянских республик бывшего СССР.

4. Проблема интеграции иностранных трудовых мигрантов вызывает сдержанное отношение. Респонденты в целом поддерживают идею создания различных структур для помощи мигрантам в целях их интеграции, но примерно 15% считают, что такая помощь должна мигрантами оплачиваться за свой счет, и еще примерно такая же группа негативно относится к перспективе интеграции трудовых мигрантов. Устойчивость такого отношения требует усилий со стороны государственных органов власти, направленных на информационное продвижение проектов интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество.

Статья подготовлена в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных отношений «Этнологический мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации, восприятия итогов Кавказской войны XIX в. и т.н. черкесского вопроса». Госзадание № 213.01 - 11/2014-39.

Литература

1. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социс. 2013, № 5. С.49-56
  2. Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ); URL: osce.org
  3. Международная организация по миграции (МОМ); URL: iom.int
-

4. Международная организация труда (МЛТ); URL: ilo.org. 2006.
  5. Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения URL: migrationcentralasia.itcilo.org/ru/dokumenty/osnovopolagayuschie-dokumenty/osce_iom_ilo_handbook_ru.pdf
  6. Курабцев В.Л. Южный федеральный округ: новая волна миграции // Социс. 2010, № 8. С.77-80.
  7. Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социс, 2009, № 10. С.48-57.
  8. Розин М.Д., Суций С.Я. Юг России: этнодемографические и миграционные процессы (конец XX-началоXXI в.) Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. – 338.
  9. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы, ресурсы и перспективы конструирования. М.: Альфа-М, 2010. – 176 с.
  10. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социс, 2010 № 12. С.49-58.
  11. Авксентьев А.В., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора //Социс, 2010 № 12. С.18-27
  12. Намруева Л.В. Межэтнические отношения в оценке различных этнических групп (на материале опроса 2009 г. в Калмыкии) // Социальное самочувствие населения в современной России. Тезисы Всерос. науч.-практ. конф-ции (г. Ставрополь 4-5 октября 2010 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 145-149.
  13. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Этнокультурный механизм конструирования конфликтности в полиэтничных районах Ростовской области. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2012. – 208 с.
-

14. Информация о гражданах Украины обратившихся в УФМС России по Ростовской области за предоставлением государственных услуг. URL: fms-rostov.ru/ne_5115492/Дата обращения – 23.08.2014.
15. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. М., 2013. URL: riarating.ru. Дата обращения – 20.08.2014.
16. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы// Социс. 2011, № 4. С. 23-34.
17. Проект ESS- Россия. Опрос в 150 населенных пунктах во всех округах РФ. URL: Europeansozialsurvey.org
18. Розин М.Д. Модельный подход к анализу и прогнозированию процессов социальных взаимодействий на Юге России // Инженерный вестник Дона, 2010, №2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2010/184/.
19. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона, 2012, №2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2012/846/.
20. Understanding integration: A conceptual framework //Journal of Refugee Studies (2008) 21 (2): pp. 166-191.
21. Migration and Community Formation under Conditions of Globalization //International Migration Review, Volume 36, Issue 4, pp. 1143–1168, December 2002

References

1. Dmitriev A.V., Pyadukhov G.A. Sotsis. 2013. № 5. pp. 49-56
  2. Rukovodstvo po razrabotke effektivnoy politiki v oblasti trudovoy migratsii v stranakh proiskhozhdeniya i naznacheniya. Organizatsiya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope (OBSE) [The guide to development of effective policy in the field of labor migration in countries of origin and appointments. The organization for safety and cooperation in Europe (OSCE)]. URL: osce.org
-

3. Mezhdunarodnaya organizatsiya po migratsii (MOM) [International Organization For Migration (MEGOHM)]. URL: iom.int
  4. Mezhdunarodnaya organizatsiya truda (MLT) [International Labour Organization (MLT)]. URL: ilo.org. 2006.
  5. Rukovodstvo po razrabotke effektivnoy politiki v oblasti trudovoy migratsii v stranakh proiskhozhdeniya i naznacheniya [The guide to development of effective policy in the field of labor migration in countries of origin and appointments]. URL:
migrationcentralasia.itcilo.org/ru/dokumenty/osnovopolagayuschie-dokumenty/osce_iom_ilo_handbook_ru.pdf
  6. Kurabtsev V.L. Sotsis. 2010. № 8. pp. 77-80.
  7. Petrov V.N. Sotsis. 2009. № 10. pp. 48-57.
  8. Rozin M.D., Sushchiy S.Ya. Yug Rossii: etnodemograficheskie i migratsionnye protsessy (konets XX-nachaloXXI v.) [South of Russia: ethnodemographic and migratory processes (end of the XX - beginning XXI century)]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTs VSh YuFU. 2011. 338 p.
  9. Denisova G.S., Dmitriev A.V., Klimenko L.V. Yuzhno-rossiyskaya identichnost': faktory, resursy i perspektivy konstruirovaniya. [Southern Russian identity: factors, resources and prospects of designing]. M.: Al'fa-M, 2010. 176 p.
  10. Drobizheva L.M. Sotsis. 2010. № 12. pp. 49-58.
  11. Avksent'ev A.V., Aksumov B.V. Sotsis. 2010. № 12. pp. 18-27
  12. Namrueva L.V. Mezhetnicheskie otnosheniya v otsenke razlichnykh etnicheskikh grupp (na materiale oprosa 2009 g. v Kalmykii) // Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v sovremennoy Rossii. Tezisy Vseros. nauch.-prakt. konf-tsii [Social well-being of the population in modern Russia. Theses of the All-Russian scientific and practical conference]. (Stavropol' 4-5 oct. 2010). Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN. 2010. pp. 145-149.
-

13. Denisova G.S., Klimenko L.V. Etnokul'turnyy mekhanizm konstruirovaniya konfliktnosti v polietnichnykh rayonakh Rostovskoy oblasti. [The ethnocultural mechanism of designing of a conflictness in the polietnichnykh regions of the Rostov region]. Rostov-na-Donu: IPO PI YuFU. 2012. 208 p.
14. Informatsiya o grazhdanakh Ukrainy obrativshikhsya v UFMS Rossii po Rostovskoy oblasti za predostavleniem gosudarstvennykh uslug. [Information on citizens of Ukraine of the state services which addressed in the Office of the Federal Migration Service of Russia across the Rostov region for granting]. URL: fms-rostov.ru/ne_5115492/ Date of access: 23.08.2014.
15. Reyting regionov RF po kachestvu zhizni. [A rating of regions of the Russian Federation on quality of life]. M., 2013. URL: riarating.ru. Date of access: 20.08.2014.
16. Rybakovskiy L.L. Sotsis. 2011. № 4. pp. 23-34.
17. Proekt ESS- Rossiya. Opros v 150 naseleennykh punktakh vo vsekh okrugakh RF. [ESS-Russia project. Poll in 150 settlements in all districts of the Russian Federation]. URL: Europeansozialsurvey.org
18. Rozin M.D. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2010, №2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2010/184/.
19. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2012, №2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2012/846/.
20. Understanding integration: A conceptual framework //Journal of Refugee Studies (2008) 21 (2): pp. 166-191.
21. Migration and Community Formation under Conditions of Globalization //International Migration Review, Volume 36, Issue 4, pp. 1143–1168, December 2002.